

*Барадиев Д.Ц.,
Магистрант кафедры «Уголовного права и криминология;
Уголовно-исполнительное право»
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
Россия, г. Чита*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ХАЛАТНОСТИ

***Аннотация:** В статье рассматриваются исторические предпосылки возникновения халатности как вида преступления, рассматривается этимология данного термина, история развития законодательства в сфере халатности со времен Древней Руси до современного этапа.*

***Ключевые слова:** халатность, небрежность, уголовная ответственность, служба, должностное преступление, бездействие, служебные обязанности.*

***Resume:** The article examines the historical prerequisites for the emergence of negligence as a type of crime, examines the etymology of this term, the history of the development of legislation in the field of negligence from the time of Ancient Rus to the modern stage.*

***Key words:** negligence, negligence, criminal liability, service, malfeasance, inaction, official duties.*

Из числа известных действующему УК общих должностных преступлений халатность является относительно новым видом. Если обратиться к основным вехам истории регулирования российским уголовным законодательством ответственности за должностную халатность, можно отметить, что к её выделению как самостоятельному преступлению законодатель шел долго.

Первые упоминания об уголовно-правовом запрете на неосторожные должностные преступления встречаются в Судебнике 1550 г. и Соборном Уложении 1649 г. - в основном, это преступления в сфере правосудия, именуемые неумышленным, неправосудием. В законодательных актах Петра I и Екатерины II уголовному преследованию за неосторожные преступления подлежали должностные лица не только судебной системы, но и других сфер государственной деятельности, в первую очередь, военной. На неосторожный характер соответствующего преступления указывало употребление в тексте закона на совершение деяния по небрежности, лености, глупости, медлительности и неосмотрительности, упущение по должности и т.д.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года среди большого количества статей, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления и проступки по службе, появились общие нормы (ст. 441 и 442 Уложения 1845 г.), в которых устанавливались меры уголовно-правового характера для чиновников «за медлительность и нерадение в оправлении должности». Обязательным условием привлечения к ответственности по* некоторым из таких норм, (например, по ст. 442 Уложения 1845 г.) являлось наступление общественно опасных последствий, определенных законодателем как «видимые беспорядки или запущение в делах».

Слово «халатный» по своему образованию является относительным прилагательным, производным от слова халат (например, халатный покрой, халатная ткань). Но с середины XIX в. это слово выражает также переносное качественное значение: небрежно-безразличный и недобросовестный, неряшливо-нерадивый (к работе, к выполнению обязанностей), например, «халатное отношение к работе». В связи с этим качественным значением находится и производное имя существительное халатность (халатное, недобросовестно-небрежное отношение к работе, к своим обязанностям).

Семантическая эволюция имени прилагательного халатный началась в 30–40-е гг. XIX в. До этого времени в дворянской культуре халат лишь воспевался, например, И.М. Долгоруковым, П.А. Вяземским как символ русского барства с его ленью и небрежной распушенностью. Халат был типичной домашней одеждой помещика и чиновника, в которую они были облачены большую часть дня. Мелкие же чиновники, подьячие, мещане и семинаристы считали халат своим парадным, выходным одеянием¹.

Характерно в фельетоне славянофила И.С. Аксакова такое рассуждение о типах старых и новых петербургских тайных советников Российской империи: «Разница между ними та, что у» старых» из-под мундира виден – халат, и хотя халат вещь вовсе некрасивая и в некотором роде даже неприличная, но, право, глаз, утомлённый блеском шитья и пуговиц или однообразным цветом мундирного платья, не без удовольствия отдыхает на пёстрой ткани халата! халат – это ведь эмблема лени, бесцеремонности, простоты, – это все же, сравнительно с форменными чувствами, нечто сердечное и человеческое. У» молодых» нет ничего, кроме вицмундира – сшитого, конечно, у лучшего Французского портного... не только не видать халата, но, кажется, сама голландская рубашка глядит вицмундиром...». Слова халатный, халатность ещё в 80–90-х гг. XIX в. воспринимались консервативными, пуристически настроенными кругами общества как неологизмы, как новообразования. Н. Гиляров-Платонов писал в своих воспоминаниях «Из пережитого» о быте духовной семинарии: «И преподаватель-ректор читал свою лекцию, и ученики слушали его полулежа (летом на чистом воздухе в саду. – В.В.). По-видимому, отец мой даже не видал в такой, по нынешнему выражению, халатности ничего необыкновенного»².

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2012. - С.216.

² Кузнецов А.П. Преступления против государственной власти: комментарий к разделу X Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2015. - С.195.

³ Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления): Монография. Волгоград:, 2012. - С.346.

Нормы об уголовной ответственности за неисполнение должностным лицом своих обязанностей в своем развитии прошли несколько этапов. В диссертации отмечается, что законодательство Древней Руси комплексных положений об этих преступлениях не содержало. Появление и развитие норм об ответственности должностных лиц за неисполнение возложенных на них обязанностей в российском уголовном законодательстве было связано с усложнением организации органов государственной власти и управления. В Судебнике 1550 г., Соборном Уложении 1649 г. появляются положения об ответственности за неисполнение служащими возложенных на них обязанностей по неосторожности в сфере правосудия (неправосудие «без хитрости»). Новая, более совершенная система запретов, предусматривающих ответственность за должностные преступления, складывается в эпоху Петра I³.

В Артикуле воинском 1715 г., в указах Петра I, регламентирующих порядок прохождения службы в отдельных сферах, содержались многочисленные нормы, предусматривающие ответственность служащих за неисполнение возложенных на них обязанностей, в том числе и по неосторожности. В Генеральном Регламенте 1720 г. впервые была предусмотрена общая норма об ответственности за бездействие власти. Наказание за эти деяния зависело от значимости неисполненных служащим обязанностей и тяжести наступивших вследствие этого последствий.

Отечественный законодатель фактически с момента создания централизованного государства предусматривал ответственность за ненадлежащее исполнение должностными лицами своих служебных обязанностей. Так, упоминания об уголовно-правовом запрете на неосторожные должностные преступления встречаются в Судебнике 1550 года и Соборном уложении 1649 года - в основном это преступления в сфере

правосудия, именуемые неумышленным неправосудием⁴. В законодательных актах Петра I и Екатерины II уголовному преследованию за неосторожные преступления подлежали должностные лица не только судебной системы, но и других сфер государственной деятельности, в первую очередь военной. На неосторожный характер соответствующего преступления указывало употребление в тексте закона слов «по небрежности», «лености», «глупости», «медлительности», «неосмотрительности» и т. д.

Дальнейшее свое развитие нормы об ответственности служащих за неисполнение обязанностей получили в Общем учреждении Министерств 1811 г. и Учреждении для управления Сибирских Губерний 1820 г., где была установлена ответственность министра, генерал-губернатора, который «оставив власть, ему данную, без действия, небрежением своим попустить важное злоупотребление или государственный ущерб». Это определение бездействия власти было воспроизведено без внесения в него значительных изменений в Своде законов уголовных 1832 г.⁵

Помимо нормы о бездействии власти, в Своде законов впервые была предусмотрена норма об ответственности чиновников за медленность и нерадение по службе. Законодатель не проводил четкого отличия этого деяния от бездействия власти. Из буквального толкования текста закона можно сделать вывод, что бездействие власти могло быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Термин «небрежение», по мнению диссертанта, относился к описанию объективной стороны бездействия власти и означал неисполнение служащим возложенных на него обязанностей. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало ответственность служащих за бездействие власти, медленность и нерадение в отправлении должности. Уложение 1845 г.

4. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 2013. -С.132.

5. Галахова А.В. Должностные преступления. М., 2012. — С.85. 14

содержало новое определение бездействия власти, давало более точное описание признаков этого преступления. Наказание за это преступление дифференцировалось «смотря по важности дела и сопровождавшим оно обстоятельством», выделялся основной и квалифицированный составы⁶.

В тексте закона отграничение между бездействием власти, медленностью и нерадением в отправлении должности не проводилось. Исходя из разъяснений Правительствующего Сената, можно сделать вывод, что бездействие власти предполагало умышленное неисполнение служащим своих обязанностей; медленность и нерадение по службе – по неосторожности.

Однако форма вины бездействия власти в законе обрисована не была. В уголовно-правовой литературе XIX в. существовали суждения, что бездействие власти предполагало и неосторожное неисполнение служащим своих обязанностей. Предшественниками нормы о халатности являлись только положения Уложения о медленности и нерадении в отправлении должности, обосновывая вывод, что таковыми являлись и положения о бездействии власти.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года среди многочисленных статей, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления и проступки по службе, появились общие нормы (ст. 441 и 442), в которых устанавливались меры уголовно-правового характера для чиновников «за медлительность и нерадение в оправлении должности». Обязательным условием привлечения к ответственности по некоторым из таких норм (например, по ст. 442 Уложения 1845 г.) являлось наступление общественно опасных последствий, определенных законодателем как «видимые беспорядки или запущение в делах»⁷.

6. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2010. — С.147. 15

7. Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб., 2013. - С.138.

В Уголовном уложении 1903 года последствие уже являлось обязательным условием практически любого неосторожного преступления, субъектом которого был служащий. В большинстве статей названного источника. Оно формулировалось как «важный вред для порядка управления или для казенного, общественного или частного интереса». Ответственность за неисполнение служащим своих обязанностей по неосторожности по Уголовному уложению 1903 г. наступала только в случае, если деяние повлекло важный вред «для порядка управления и для казенного, общественного или частного интереса». Законодатель не раскрывал понятие «важного вреда», оставляя его определение на усмотрение правоприменителя.

Термины «медленность» и «нерадение», по сути, были заменены в Уложении общим понятием – «небрежение служащим своими обязанностями»⁸.

К бесспорным достижениям дореволюционного законодательства можно отнести принятие общей нормы, предусматривающей ответственность должностных лиц за ненадлежащее исполнение своих обязанностей; формулирование определения понятия «должностное лицо»; определение последствий бездействия власти, причиненного по небрежности.

В советский период неосторожные должностные преступления аналогично предшествующему уголовному законодательству подлежали наказанию, но, в отличие от него, связывались с небрежным (нерадивым) отношением к службе в наиболее охраняемых отраслях государственного управления или хозяйства.

Отмечается, что постепенно законодательная формулировка «нерадивое отношение к служебным обязанностям», употреблявшаяся в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовном уложении 1903 года, в последующем была заменена термином «халатность». Причем,

⁸ Аснис А.Я: Уголовная ответственность за служебные преступления в России. М., 2014. - С.227. 16

как показывает исследование, своим происхождением данный термин «обязан», главным образом, литературному творчеству. Впервые понятие «халатность» получило свое официальное закрепление в УК РСФСР 1922 года, где законодатель использовал словосочетание «халатное отношение к службе» (ст. 108) в значении недобросовестно-небрежного отношения к работе, к своим обязанностям. Обязательными признаками халатности в УК РСФСР 1922 и 1926 годов являлись систематичность преступного поведения, либо причинение такого последствия, как «нарушение правильной работы предприятия, учреждения, причинение ему имущественного ущерба, нарушение общественного порядка или охраняемых законом прав и интересов граждан», или возможность причине нетяжких последствий⁹.

В УК РСФСР 1960 года халатность определялась как «невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан». В советский период было сформировано современное понятие должностного лица (дано понятие представителя власти, уточнено понятие административно-хозяйственных и организационно-распорядительных полномочий, установлено, что технический работник не является должностным лицом); в целом сформирована система должностных преступлений; выделены объективные и субъективные признаки халатности; достаточно четко по сравнению с ранее действовавшим законодательством, были определены последствия общественно опасного деяния. Однако одним из основных недостатков признавалось отсутствие законодательного

9 Сверчков В.В. Уголовное право. Общая часть: Краткий курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2012. - С.61.

определения понятия «существенное нарушение прав и законных интересов», что создавало значительные трудности для правоприменителя.

Библиографический список:

1. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2012. - С.216.
2. Кузнецов А.П. Преступления против государственной власти: комментарий к разделу X Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2015. - С.195.
3. Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления): Монография. Волгоград., 2012. - С.346.
4. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 2013. -С.132.
5. Галахова А.В. Должностные преступления. М., 2012. — С.85. 14
6. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2010. — С.147. 15
7. Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб., 2013. - С.138.
8. Аснис А.Я: Уголовная ответственность за служебные преступления в России. М., 2014. - С.227. 16
9. Сверчков В.В. Уголовное право. Общая часть: Краткий курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2012. - С.61.